

Игорь СЕНИН

ПРОВИНЦИЯ, СТОЛИЦА, ЗАГРАНИЦА...

(записки провинциала)

Москва – столица России, но ещё не вся Россия, хотя одну без другой представить, пожалуй, невозможно. Велика и многолика Россия, ведь покрывает она своей территорией большую часть евразийского континента, стоя одной ногой в Европе, а другой в Азии, не будучи при этом ни той, и не другой, а оставаясь собой, таинственной и непонятной для чужаков. Везде, в самых дальних её уголках живут люди, которые учатся, работают, любят, растят детей, мечтают о счастье, продолжают традиции предков. Такая она, ни на кого не похожая, разная в своём единстве, страна снегов, морозов, необозримых просторов, и бесхитростных и терпеливых людей.

Москва – лицо России, воплощающее в себе не только историю страны, но и её современные достижения, цели, мечты, зачастую значительно опережающие провинцию, которой невозможно угнаться за столицей. Да и нужно ли? Духовная задача провинции в другом – сохранять культуру, народность, всё то, с чем мы связываем свою национальную идентичность, чувство Родины. А начинается Родина, помните, как поётся в песне, с заветной скамьи у ворот, с той самой берёзки, что во поле, под ветром склоняясь, растёт... Родина начинается там, где мы родились, в провинции по большей части.

Да, москвичом родиться повезло далеко не каждому. Но сколь многие готовы, оставляя родные места, вожаденно рваться в Москву, в Москву, в Москву! Но почему в Москву? Или в России недостаточно других замечательных городов? Достаточно. Один Петербург чего стоит, и столицей тоже был. А вот желающих жить в Москве всё же неизмеримо больше, даже из-за границы едут.

«Понаехали тут, Москва не резиновая», такие фразы, произносимые с нескрываемым раздражением в голосе, нередко можно услышать, причём не столько от коренных москвичей, сколько от «понаехавших» ранее, и составляющих, куда большую часть двенадцатимиллионного населения современной Москвы. «Москва, какой огромный странноприимный дом...», писала в одном из стихотворений московского цикла, коренная москвичка Марина Цветаева, имея в виду Москву начала двадцатого века, не являвшуюся в то время официальной столицей, но широко открывавшую свои двери, для тогдашних «понаехавших». Размеренная, спокойная, неторопливая жизнь. Трудно сравнивать старую и современную Москву. Кажется, это два разных города.

Давно ушли в прошлое «Домики старой Москвы, слава прабабушек томных», да и «монстры в шесть этажей», словно кустарники в сосновом бору, теряются сегодня среди двадцати и пятидесятиэтажных громад. Москва – столица современного государства, а этому необходимо соответствовать. Современная Москва - это не просто главный город страны, это гигантский политический, деловой и торговый центр, в котором сосредоточены нити управления, тянущиеся из бесчисленных больших и малых точек провинциальной России.

Провинция... в устах жителей столицы это слово нередко приобретает пренебрежительный, недоброжелательный оттенок. Деревня... в таком же ключе горожане, желающие подчеркнуть своё мнимое превосходство, высказываются в отношении сельчан. И в том, и в другом случае подразумеваются необразованность, бескультурие, отсталость, одним словом, о причинах которой, естественно, не задумываются. А зря. И деревня, и провинция живут и выживают, как могут, в тех условиях, какие предлагает, и с какими мирится столица, процветающая во многом благодаря провинции и всё той же деревне. Короче, не святым духом питается, более того, предпочитает пищу повкуснее. Всё лучшее ей. Так во всём. А в ответ: «Провинция, деревня».

Так стоит ли рваться из провинции в Москву? Каждому решать самому. Ведь многим и в провинции хорошо, была бы гармония в душе. Что это значит? Любимое дело, семья, перспектива на будущее. Смысл жизни, как говорится, и уверенность в завтрашнем дне. Да только трудно с этим, как ни крути, особенно молодым, желающим проявить себя, обрести признание, не угаснуть свечкой на ветру. Планка у всех тоже разная, зависит от амбиций. Кому сгодится районный центр, кому областной, а кому столичный. В столице, где кипит деловая жизнь, больше вероятности и себя показать, и оказаться замеченным, и выбиться в люди. Есть, конечно, и риск кануть, исчезнуть, раствориться в толпе, потеряв всё. Надежда только на Бога и на себя. Уверен – рискуй; выиграл – радуйся; проиграл – не плачь. Утешать никто не будет, Москва слезам не верит. А можно избежать риска? Нет. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского, тем более, покоряя Москву, а значит, Россию. Хотя Москва, ещё не вся Россия.

Я – житель провинции, по московским меркам. А что для Москвы не провинция? Только Петербург, наверное. Что ж говорить о Сибири? Один москвич, ни то в шутку, ни то всерьёз, спрашивал меня, ходят ли в Омске медведи по улицам? Было это, правда, давно, в конце семидесятых. Тогда мне довелось полгода жить в Москве, заканчивая девятый класс. Вообще, в детстве я часто, почти каждое лето, гостил у московских родственников. Сейчас, к сожалению, мои свидания с Москвой случаются всё реже. Но я люблю Москву, и как ни странно, не чувствую себя в ней чужим. Наоборот, стоит только ступить на московский перрон, как тут же волной накатывает иррациональное ощущение, что я дома. И особый запах московского метро, и шум московских улиц, и Красная Площадь, и знакомые памятники, моментально возвращают в детство. Многие мои друзья и знакомые не любят Москву за постоянную суету, спешку, расстояния. А я люблю, и чувствую в душе, что Москва отвечает мне взаимностью. Что же тому причиной, детские воспоминания, какая-то особенная московская атмосфера, живое прикосновение к российской истории? Наверное, всё вместе, хотя в Москве я только гость, провинциал. Вот и ответ! Люблю Москву за её провинциальность. Ту, которая была присуща ей ещё до приобретения столичного статуса, которая и сейчас никуда не делась, а просто спряталась за ультрасовременным фасадом столичного лоска, помпезности, моды. Люблю не за Сити-центр, не за новейшие комфортабельные микрорайоны, хотя это вовсе и не плохо, и уж никак не за Макдоналдсы и прочие заграничные нововведения. Люблю за старинные особнячки, которых остаётся всё меньше, за тишину переулков, за купола старинных церквей, за памятники Пушкину и Гоголю, за истинно русскую душу, остающуюся её основой, ядром, пусть и в скорлупе современного столичного мегаполиса. Москва – русская столица. Москва – современная столица. Москва – это Москва!

- Провинциальность Москвы... Что может быть нелепее? Уж не застудил ли автор голову на сибирских ветрах и морозах? А, впрочем, в Сибири все, наверное, такие? Глубокая провинция!

- Не обижайтесь, москвичи. Сейчас я говорю о провинциальности в хорошем смысле, имея в виду историческую и культурную преемственность, сохранение наследия, традиций, корней, истоков. Не этим ли отличается провинция? Не в этом ли её миссия и долг перед будущими поколениями, которые не должны вырастать «Иванами, не помнящими родства»? Что ж плохого может быть в такой провинциальности?

- Ах, опять вы ничего не поняли. Культура, искусство, музеи, театры, выставки. Бедная, оторванная от жизни провинция. И что же ей остаётся? Старина, старина и ничего, кроме старины. Как же это, должно быть, скучно, двадцать первый век, всё-таки.

- Ах, москвичи, трудно с вами спорить! Хотя и у нас в провинции многое есть, двадцать первый век, всё-таки. Зато у вас всё лучше. А главное, есть у вас многое из того, чего почти нет у нас. Возможности! Вы их имеете, хотя зачастую и не пользуетесь. Судите сами, кто посещает ваши лучшие театры, музеи, выставки? Гости. Сами то забыли, когда бывали там последний раз? Даже в отпуске, даже на пенсии. Так чем же вы, москвичи, лучше нас, провинциалов? Наличием возможностей. За возможностями культурного и

карьерного роста, самораскрытия и самовыражения устремляются из родных пенатов в Москву провинциалы, а отнюдь не за песнями. У, понаехали!

А вот теперь о провинциальности в плохом смысле. Провинциальности, сродни комплексу неполноценности, когда мы сами готовы ограничивать свои вполне достойные устремления, необоснованно снижая самооценку. Где уж нам, отсталой провинции, говорим мы себе, подразумевая, что следует знать своё место и не соваться, куда не следует. Так зарываются в землю таланты, а взамен остаётся, пусть и спокойная, но скучная и бесперспективная жизнь, от которой запить впору, чем и грешит, чего скрывать, провинция. Но это – провинциальность «провинциальная», извините за тавтологию. Знаком я и с и подобной «московской» провинциальностью, эдаким комплексом неполноценности перед границей.

Отношения России с Европой, всегда носили непростой характер, ведь Российская цивилизация вовсе не европейская. В отличие от материалистической Европы, а затем и Америки, фундаментом российской цивилизации были и остаются ценности духовные. А это иной путь развития, причём, как показывает история, куда более перспективный, хотя и совсем не лёгкий. Как соперника, Запад не раз пытался уничтожить Россию, развязывая войны и революции, но своей цели не добился. Другое дело, «война информационная», ведущаяся исподтишка. Тут агрессора за руку не схватишь. Суть такой войны – опорочить ценности соперника и насадить свои, как наиболее правильные и прогрессивные. Лишившись же своего ценностного фундамента, государственное здание противоположной стороны рухнет само. Вот потому Европа всегда пыталась продемонстрировать контраст своей «культуры, просвещённости, гуманизма» с российской «отсталостью, старомодностью, провинциальностью». Эта политика рассчитана не только на нашего обывателя, но и на своего собственного. Так, голливудская красотка ШарлизТерон, посетив Москву, заявила журналистам, что специально приехала, чтобы посмотреть, как по Москве свободно разгуливают медведи. Помнится, в своё время, отдельные представители московской молодёжи страдали подобной иллюзией, относительно сибирского города Омска. Но времена меняются, прогресс налицо! Теперь некоторые готовы мчаться, сломя голову, вслед за ШарлизТерон, на поиск медведей уже в Москве. Конечно, по сравнению с границей-то, Москва – дикий край!

Однако позвольте, чем вам Москва не угодила, вам, которым уже и так, кажется, нечего больше хотеть? А тем, что за границей лучше. Взять, к примеру, США, и квартира, и машина у каждого, и каждый легко может стать миллионером. Законы все неукоснительно соблюдают. А почему? Да потому, что главная их ценность – человек, его права, свободы, законные интересы, не то, что у нас. А то, что телефоны прослушиваются, интернет-переписка просматривается, что происходит вмешательство, даже военное, в дела других суверенных государств, так в этом нет ничего страшного, ведь всё ради демократии, которая превыше всего. Такие вот они хорошие и правильные ребята, а мы отсталые и дикие. Кто нас таких за границу возьмёт, а так хочется настоящей жизни.

Часто ли услышишь подобные разговоры в провинции? К счастью, нет. А в Москве? Сплошь и рядом. Это даже считается проявлением хорошего тона. И вот уже в провинциальном сознании иных москвичей, Москва, по-сравнению с границей, становится глубокой провинцией.

Кто-то скажет, что это хорошо, даже здорово, вот оно, проявление подлинной свободы. Люди получили возможность больше видеть, выбирать, что для них лучше, а что хуже. Это позволяет им выйти за рамки принадлежности к конкретному государству, стать гражданами мира. Ура!

А как же, Россия, Родина? Значит, она не нужна? Выживай, как знаешь, а пропадёшь, плакать не станем. Граница милее. Так, что ли, получается? Дожились, нечего сказать. Перед предками не стыдно? А перед потомками? Вот она – новая смута.

Что прежняя смута принесла Москве, мы можем успеть прочесть в учебниках истории, пока их ещё не переписали под диктовку заграничных «мудрецов». Иноземцы

вошли в Москву. А кто её освобождал? Ополчение из провинции, возглавляемое Мининым и Пожарским. Москва – ещё не вся Россия. И хочется надеяться, что и от нынешней смуты столицу вновь спасёт провинция, сохраняющая в своих глубинах сокровища истинной русской духовности, культуры, патриотизма. Подвижничество и желание быть полезным Родине – вот что отличает людей из провинции, готовых преодолевать трудности во имя торжества и процветания России, чтобы, наконец, увидеть её сильной, самодостаточной, богатой, мудрой и счастливой, живущей своим, а не чужим умом, развивая и приумножая духовное наследие великих предков. И всё это – наше, исконно русское должно воплотиться в столице. Воплотиться ни стилизованно, ни лубочно, а жизненно.

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось.

Из истории известно, что несколько раз Москва разрушалась врагами и возрождалась снова. Почти до основания сгорела при нашествии Наполеона, но была отстроена. Гитлер, рвавшийся к Москве, планировал затопить её, превратив в громадное озеро. Не суждено было сбыться этим планам. И вновь Москва на пепелище, пепелище духовном. Надеюсь, это временно. Верю, что усилиями России, провинции, всегда приходящей на помощь в трудные времена, Москва опять будет отстроена, отстроена духовно.